

Къ характеристикѣ доктора **Θ. П. Гааза.**

Посвящается Анатолію Федоровичу Кони.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нервый біографическій очеркъ „Докторъ **Θ. П. Гаазъ**“ былъ напечатанъ **А. Θ. Кони** въ 1897 году; затѣмъ въ 1903 году въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатана тѣмъ же авторомъ статья „Федоръ Петровичъ Гаазъ по новымъ матеріаламъ“, а въ 1904 году появилось новое пополненное изданіе (4-е) біографіи **Θ. П. Гааза**. Съ тѣхъ поръ никакихъ новыхъ свѣдѣній о **Θ. П. Гаазѣ** опубликовано не было, кромѣ газетныхъ замѣтокъ и статей объ открытіи памятника Гаазу, которое состоялось въ 1909 году въ Александровской больницѣ, гдѣ я имѣю честь быть главнымъ докторомъ.

Готовясь къ этому торжеству, я лѣтомъ прошлаго года занимался въ Московскомъ Губернскомъ архивѣ, а также имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько дѣлъ Московскаго Тюремнаго Комитета времени Гааза. Я надѣялся найти новые документы для характеристики **Θ. П. Гааза**, кромѣ разысканныхъ мною тамъ-же 17 лѣтъ тому назадъ, когда я имѣлъ счастье помогать **А. Θ. Кони** въ собраніи матеріаловъ для біографіи незабвеннаго основателя бывшей полицейской, а нынѣ Александровской больницы.

Къ крайнему сожалѣнію много важныхъ документовъ утрачено: богатый матеріалъ Тюремной больницы уничтоженъ пожаромъ, дѣла Медицинской Конторы о Гаазѣ затерялись; не сданы въ архивъ и неизвѣстно куда дѣвались дѣла о холерѣ 1848 года. Но все-таки мнѣ удалось разыскать нѣсколько интересныхъ документовъ, которые я нахожу нужнымъ опубликовать для пополненія біографическаго матеріала о **Θ. П. Гаазѣ**, а также подѣлиться свѣдѣніями о томъ, что сдѣлано для увѣковѣченія памяти о „святомъ старикѣ“.

С. В. Пучковъ.

Широкая общественная дѣятельность Ѳ. П. Гааза начинается съ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Можно съ увѣренностью сказать, что съ этого времени ни одно сколько-нибудь крупное дѣло по санитарно-врачебной части въ городѣ Москвѣ не обходилось безъ участія и, въ большинствѣ случаевъ очень активнаго и энергичнаго, доктора Гааза.

Въ началѣ 1825 года Московскій военный генераль-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ приглашаетъ его для прекращенія свирѣпствовавшей въ Тюремномъ замкѣ эпидеміи тифа. Онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ проф. Полемъ дѣятельно ведетъ борьбу съ эпидеміей, для чего прежде всего устраиваетъ временную больницу въ Покровскихъ казармахъ, гдѣ изолируетъ заболѣвшихъ арестантовъ. Благодаря его трудамъ дальнѣйшее развитіе эпидеміи въ Тюремномъ замкѣ прекращается.

Въ томъ же 1825 году Ѳедоръ Петровичъ по настоянію князя Голицына назначается штабъ-физикомъ Медицинской конторы, несмотря на свой упорный отказъ занять эту должность, будучи, какъ онъ писалъ, „удерживаемъ мыслию о несовершенствахъ своихъ“. Исполняя обязанности штабъ-физика при не только крайне недружелюбныхъ, но и враждебныхъ къ нему отношеніяхъ его ближайшаго сослуживца инспектора Добронравова, Гаазъ производитъ переустройство служебныхъ помѣщеній Медицинской конторы и представляетъ рядъ докладовъ и проектовъ по кореннымъ вопросамъ общественной медицины. Въ 1826 году онъ приглашается для борьбы съ чрезвычайно сильно развившейся въ отдѣленіи для кантонистовъ эпидемической глазной болѣзью и съ большимъ успѣхомъ исполняетъ возложенное на него порученіе. Вскорѣ послѣ этого князь Д. В. Голицынъ, озабочиваясь устройствомъ въ Москвѣ глазной больницы, обращается къ Гаазу съ просьбой быть членомъ Особаго подъ его предсѣдательствомъ Комитета по устройству означеннаго учрежденія. Въ письмѣ кн. Голицына, написанномъ по этому поводу Гаазу, между прочимъ сказано: „Увѣренность моя въ Вашихъ познаніяхъ и убѣжденіе въ отличныхъ качествахъ Вашего сердца, оправданныхъ во время Вашего многолѣтняго пребыванія въ сей столицѣ, обратились въ сильнѣйшее для меня побужденіе предложить Вамъ званіе члена вышеупомянутаго Комитета“. Нужно ли говорить, что Гаазъ принялъ съ горячею готовностью предложеніе князя Голицына, тѣмъ болѣе, что въ числѣ членовъ образованнаго Комитета были два его друга и постоянные его сотрудники по общественной дѣятельности проф. Поль и докторъ Броссе. Работа въ Комитетѣ была настолько дружной и энергичной, что черезъ пять мѣсяцевъ новая больница была оборудована и открыта во времен-

номъ помѣщеніи. Гаазъ былъ назначенъ членомъ ея Совѣта и до самой своей смерти оставался въ этомъ званіи, помогая учрежденію своею опытностью и своими знаніями, а также собирая для него пожертвованія.

Изумительная по энергіи и продуктивности дѣятельность Гааза, какъ члена Тюремнаго Комитета, подробно и рельефно описана въ біографическомъ очеркѣ А. Ѳ. Кони. Въ этой книгѣ приведено много случаевъ ходатайствъ Гааза за арестантовъ; а какимъ людямъ приходилось въ тѣ мрачныя времена надѣвать арестантскіе халаты и кандалы, можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ эпизодовъ изъ дѣятельности Гааза, найденныхъ мною въ архивахъ.

Въ 1836 году Ѳ. П. Гаазъ ходатайствуетъ за арестанта некрасовца Орлова, вина котораго, какъ видно изъ прошенія прокурору, написаннаго очевидно подъ диктовку Гааза, заключалась въ слѣдующемъ:

Въ 1828 году во время войны съ Турціей некрасовцы оказали большія услуги русскимъ войскамъ при переходѣ ими черезъ Дунай, вслѣдствіе чего Императоръ Николай I особымъ манифестомъ разрѣшилъ желающимъ вернуться въ Россію снова принять русское подданство, при чемъ было дано обѣщаніе, что возвратившіеся въ Россію некрасовцы не будутъ подвергнуты никакимъ взысканіямъ и могутъ избрать мѣсто жительства по своему желанію, вслѣдствіе чего Егоръ Орловъ вернулся въ Россію и хотѣлъ поселиться въ Калужской губерніи. По прибытіи его въ Калугу, мѣстное Губернское Правленіе, вмѣсто приведенія его въ подданство, отобрало выданный ему отъ градоначальства г. Измаила аттестатъ и препроводило какъ арестанта черезъ Москву на мѣсто его родины во Владимірскую губернію. Въ Москвѣ въ немъ принялъ участіе Гаазъ, положилъ его въ больницу и сталъ хлопотать объ его освобожденіи.

Въ 1843 году пересыльный арестантъ Станиславъ Ивановичъ Хлусевичъ десяти лѣтъ (!) ссылался за поджогъ въ каторгу на 3 года. Тюремный Комитетъ (Гаазъ) принимаетъ участіе въ судьбѣ несчастнаго ребенка и ходатайствуетъ о пересмотрѣ его дѣла. Общее Собраніе Сената пересмотрѣло дѣло и освободило мальчика отъ каторжныхъ работъ.

Въ 1830 году Гаазъ много потрудился въ дѣлѣ борьбы со страшнымъ общественнымъ бѣдствіемъ: въ этомъ году впервые въ Москвѣ появилась и сильно свирѣпствовала азіатская холера. По приглашенію кн. Голицынымъ Гаазъ былъ назначенъ членомъ временнаго Медицинскаго Совѣта, организованнаго для принятія по городу Москвѣ всѣхъ врачебно-санитарныхъ мѣръ по борьбѣ съ

эпидеміей. Дѣятельность Гааза въ холеру 30-го года по ея энергіи была просто изумительна. Временный Медицинскій Совѣтъ собирался въ домѣ генераль-губернатора ежедневно въ 11 часовъ утра, „а когда надобность была, то и послѣ обѣда“. Гаазъ независимо отъ этого состоялъ инспекторомъ одной изъ временныхъ холерныхъ больницъ и кромѣ того ему было поручено завѣдываніе всей регистраціей холерныхъ заболѣваній въ г. Москвѣ.

Въ 1840 году губернаторъ Сенявинъ предложилъ Гаазу занять мѣсто Главнаго доктора Екатерининской больницы. Фѣдоръ Петровичъ отклоняетъ это предложеніе, „чувствуя себя не въ состояніи оному удовлетворить“. Затѣмъ съ тою же просьбой обратился къ нему московскій генераль-губернаторъ кн. А. Г. Щербатовъ. По этому поводу Гаазъ пишетъ: „столь величайшая честь не могла преодолѣть глубокую сознательность о несовершенствахъ моихъ и мое твердое намѣреніе не увлекаться никакими земными похотѣніями“. Однако Гаазъ долженъ былъ уступить настояніямъ кн. Щербатова. Занявъ мѣсто Главнаго доктора, онъ энергично принимается за переустройство этой, въ то время очень запущенной, больницы. Прежде всего онъ озабочивается устройствомъ въ этомъ учрежденіи водопровода. Окончивъ это сооруженіе, Гаазъ ходатайствуетъ передъ генераль-губернаторомъ о возвратѣ 1.500 руб., израсходованныхъ имъ, при чемъ добавляетъ: „на это дѣло я употребилъ всѣ свои средства и мнѣ трудно далѣе заимствоваться деньгами у другихъ“. Затѣмъ онъ производитъ ремонтныя работы и планировку двора больницы, за всѣми постройками слѣдя самъ и производя ихъ хозяйственнымъ способомъ. Желая устранить столь обычныя въ то время грандіозныя злоупотребленія при постройкахъ, онъ въ 1842 году ходатайствуетъ, чтобы предстоящія въ больницѣ постройки были отданы ему въ видѣ подрядчика, ибо, пишетъ Гаазъ, „я подчиняю себя всѣмъ обязанностямъ подрядчика“. Желая формально обезпечить за собой право производить постройку, онъ проситъ въ 1843 году генерала-губернатора отдать перестройку деревяннаго барака ему и „съ пониженіемъ восьми рублей серебромъ противъ цѣны, заявленной подрядчиками при переторжкѣ“. Этотъ ремонтъ былъ произведенъ Гаазомъ очень успѣшно. Имъ между прочимъ были устроены согласно современнымъ требованіямъ новыя ванны, шкафъ для сѣрныхъ ваннъ, души и дождевыя ванны.

Состоя Главнымъ докторомъ Екатерининской больницы, Фѣдоръ Петровичъ озабочивается устройствомъ особаго лѣчебнаго заведенія, въ коемъ могли бы найти пріютъ больные, не имѣющіе возможности по какимъ-либо причинамъ попасть въ другія больницы. Его хлопоты увѣнчиваются успѣхомъ: благодаря его заботамъ и стара-

ніямъ устраивается больница для безпріютныхъ, бывшая Полицейская, а нынѣ Александровская. Для этого учрежденія Гаазъ выхлопываетъ находящійся въ вѣдѣніи московскаго генераль-губернатора домъ въ Маломъ Казенномъ переулкѣ, въ которомъ до того времени помѣщался ортопедическій институтъ д-ра Менделини. Гаазъ собираетъ у разныхъ благотворителей пожертвованія на переустройство и приспособленіе этого дома для больницы, тратитъ на это дѣло свои въ то время уже оскудѣвшія средства. Съ особенной заботливостью онъ хлопочетъ о правильной постановкѣ водолѣченія въ новой больницѣ, согласно успѣхамъ, сдѣланнымъ въ этой области медицины въ его время въ больницахъ и клиникахъ Западной Европы. 2-го мая 1845 года больница для безпріютныхъ начинаетъ свою дѣятельность. Гаазъ назначается ея старшимъ врачомъ, занимаетъ въ этой больницѣ маленькую квартиру, и съ тѣхъ поръ до самой его смерти вся его дѣятельность неразрывно связана съ этимъ учрежденіемъ.

Обширная, разносторонняя и чрезвычайно энергичная общественная дѣятельность Гааза протекала среди крайне неблагоприятныхъ условій времени и окружающей его среды; тѣмъ болѣе эта дѣятельность заслуживаетъ нашего вниманія, нашего удивленія и нашего уваженія къ памяти покойнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если въ наше время многіе наши соотечественники находятъ оправданіе своей бездѣятельности, своему абсентеизму въ области общественныхъ интересовъ и дѣлъ, ссылаясь на невозможность работать при современномъ строѣ нашей общественной жизни, то, конечно, Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ, замкнувъ свою жизнь въ узкую сферу личныхъ интересовъ, имѣлъ бы несравненно болѣе правъ на такое самооправданіе -- онъ вѣдь жилъ въ мрачныя времена первой половины прошлаго столѣтія, а Россія не была ему матерью, родиной.

Несмотря на всѣ тернія, неудачи, разочарованія и огорченія, которыя Гаазъ постоянно встрѣчалъ въ своей дѣятельности, онъ шелъ твердою стопою съ своему жизненному идеалу—самоотверженно служить людямъ, которымъ особенно тяжело живется на свѣтѣ. Въ стремленіи къ этому идеалу, въ постоянной борьбѣ съ неблагоприятными обстоятельствами, съ человѣческимъ безсердечіемъ, съ всеобщимъ равнодушіемъ, невѣжествомъ, неблагодарностью, онъ, не жалѣя себя, тратилъ массу физическихъ и моральныхъ силъ, но съ изумительнымъ терпѣніемъ и кротостью переносилъ свои неудачи, разочарованія и даже тяжкія обиды... Онъ часто шелъ по избранному имъ пути одинокимъ, никѣмъ непонимаемымъ... Изъ книги А. Ѳ. Кони мы узнаемъ, сколько при этомъ перенесли страданій добрая душа и

*

отзывчивое сердце Ѡедора Петровича. Позволю себѣ и я указать въ этомъ отношеніи на нѣкоторые новые факты изъ жизни Гааза.

Извѣстно, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ Гаазъ по настоянію генераль-губернатора долженъ былъ согласиться занять мѣсто штадъ-физика медицинской конторы. Молодой, широкообразованный, энергичный и строго неподкупной честности врачъ попалъ въ мутную среду канцелярской бюрократической трясины съ сомнительнымъ прошлымъ своихъ дѣятелей: Гаазъ замѣнилъ уволеннаго и отданнаго подъ судъ за злоупотребленія по службѣ штадъ-физика Ц. Съ первыхъ шаговъ своей служебной дѣятельности онъ въ лицѣ инспектора медицинской конторы Добронравова нашелъ яраго и непримиримаго себѣ врага, способнаго на все.

Испытавъ всевозможныя средства борьбы съ своимъ противникомъ, инспекторъ Добронравовъ рѣшилъ наконецъ нанести ему, по его мнѣнію, самый роковой ударъ: онъ подалъ жалобу на штадъ-физика генераль-губернатору, въ которой, указывая на постоянныя обиды, причиняемыя ему его врагомъ, заявляетъ, что „докторъ Гаазъ находится не въ здоровомъ душевномъ состояніи“ и проситъ принять мѣры, „дабы докторъ Гаазъ, имѣя обширную медицинскую практику, при такомъ разстройствѣ ума не могъ нанести вреда своимъ больнымъ“. Вѣроятно, убѣжденіе это у г. инспектора сложилось на основаніи непонятныхъ ему поступковъ Гааза въ родѣ слѣдующаго. Какъ видно изъ справки медицинской конторы 1830 года, посланный въ канцелярію генераль-губернатора, „докторъ Гаазъ во время исполненія должности штадъ-физика 2.225 руб. жалованья и квартирныхъ не получалъ, но передавалъ оныя удаленному отъ должности по производившемуся въ уголовной палатѣ дѣлу, бывшему штадъ-физику Ц.“.

Намъ трудно даже представить, при какихъ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ приходилось работать Ѡедору Петровичу на поприщѣ общественнаго служенія. Позволю себѣ указать для характеристики этого положенія на два эпизода его дѣятельности во время борьбы съ холерной эпидеміей 1830 года. Въ наше время такъ часто слышатся жалобы, что общественное служеніе и связанная съ нимъ работа трудны особенно потому, что у насъ въ Россіи мало людей знающихъ, способныхъ и преданныхъ дѣлу, что человѣку, стоящему у какого-нибудь значительнаго общественнаго дѣла, трудно, а подѣ часъ и невозможно, найти себѣ хорошихъ помощниковъ. Что же было въ этомъ отношеніи во времена Гааза, 80 лѣтъ тому назадъ? Вотъ примѣры. Во время холеры 30 года въ Москвѣ былъ организованъ „комитетъ для очищенія (дезинфекціи) товаровъ“. Предсѣдатель этого комитета 28-го октября во время самаго силь-

наго разгара эпидеміи, пишетъ московскому генераль-губернатору: „Поступившіе членами въ сей комитетъ отъ купечества Павелъ Прохоровъ и Николай Осиповъ, первый изъ нихъ неграмотный, второй читать не умѣетъ, едва можетъ подписывать свое имя, при всемъ ихъ усердіи, не могутъ выполнять обязанностей по комитету и просятъ по сему быть уволенными“.

Во время эпидеміи 30 года Ѡедоръ Петровичъ завѣдывалъ одной изъ временныхъ холерныхъ больницъ. Такъ какъ эта больница, несмотря на свою обширность, была переполнена холерными больными и двухъ врачей, помощниковъ Гаазу, было недостаточно, то въ его распоряженіе „были командированы 21-го іюля четыре студента: два медико-хирургической академіи и два университета, сверхъ того три ветеринарные врача, окончившіе курсъ въ сей академіи“. Вотъ съ какими помощниками приходилось Гаазу работать въ этой больницѣ, при чемъ нужно принять во вниманіе, что онъ ежедневно участвовалъ въ засѣданіяхъ Временнаго Медицинскаго Совѣта, а также неизмѣнно посѣщалъ засѣданія Тюремнаго комитета, не оставляя при томъ бывать въ мѣстахъ заключенія и постоянно присутствовать на Воробьевыхъ горахъ при отправкѣ арестантовъ въ Сибирь. Кромѣ того онъ завѣдывалъ регистраціей всѣхъ холерныхъ заболѣваній въ Москвѣ; число же этихъ заболѣваній доходило до 5.000 въ мѣсяцъ, какъ напримѣръ это было въ октябрѣ 1830 года. Работа эта была настолько громадна, что въ помощь Гаазу былъ назначенъ докторъ Кетчеръ.

Но помимо дѣла живого, спѣшнаго во время холерной эпидеміи, Гаазу нерѣдко приходилось считаться съ вопросами мелочного самолюбія, гордости, тщеславія и бездушнаго формализма людей, съ которыми сводила его судьба при совмѣстной работѣ. Во время холеры 30-го года во главѣ мѣстныхъ санитарныхъ организацій полицейскихъ частей города были поставлены особые начальники (санитарные попечители), а начальники эти были далеко не всегда столь просвѣщенные и воспитанные люди, какимъ былъ начальникъ тверской части Ѡ. В. Самаринъ. У Ѡедора Петровича начальникъ былъ другого склада. Посѣтивъ однажды временную больницу и не найдя „въ правдивой книгѣ“ записей, онъ объявилъ Гаазу выговоръ, и на его объясненія не обратилъ никакого вниманія. Въ другой разъ онъ возмутился заявленіемъ Гаазы, что врачъ является, по его мнѣнію, главнымъ распорядителемъ внутри больницы. Услыхавъ эти слова, начальникъ, какъ онъ самъ доноситъ генераль-губернатору, „вынужденъ былъ возвысить голосъ, чтобы унять дерзость“ подчиненнаго ему врача. Въ заключеніе своего рапорта начальникъ проситъ генераль-губернатора „объ избавленіи ввѣренной

ему части отъ д-ра Гааза и о замѣнѣ его другимъ врачомъ“. Кн. Голицынъ, несмотря на все свое расположеніе къ Ѡедору Петровичу, вынужденъ былъ исполнить просьбу начальника, и Гаазъ былъ переведенъ въ другую часть. Но Ѡедору Петровичу приходилось иногда расходиться по нѣкоторымъ вопросамъ и со своими коллегами-врачами. Такъ по поводу проекта предохранительныхъ мѣръ противъ холеры, выработаннаго особой Комиссіей, Гаазъ оставался при мнѣніи, которое изложилъ въ дѣловой и очень корректной формѣ. Коллеги видимо обидѣлись, написали возраженіе, въ коемъ указывали, что мнѣніе Гааза, „сялящагося доказать, что Совѣтъ не исполнилъ возложенныхъ на него обязанностей, несправедливо“.

Много приходилось Ѡедору Петровичу перенести непріятностей, огорченій, хлопотъ и потратить не мало времени и труда на оправданіе своихъ дѣйствій по обвиненію въ передержкахъ по строительнымъ работамъ, которыя онъ въ постоянныхъ заботахъ о благоустройствѣ учрежденій, гдѣ ему приходилось служить, такъ любилъ. Дѣло въ томъ, что его оправдательные документы не всегда удовлетворяли строгимъ требованіямъ формальной отчетности. При возникавшихъ въ этомъ отношеніи недоразумѣніяхъ по представленнымъ имъ счетамъ, Гаазъ обычно писалъ въ такомъ родѣ: „я по чести полагаю, что эти деньги мнѣ слѣдуютъ, а буде оказалась бы въ семъ счетѣ какая-либо неаккуратность, то я обѣщаюсь возратить, если то признано будетъ нужнымъ“.

Кн. Д. В. Голицынъ и кн. Щербатовъ часто журили Гааза за его вольнодумное отношеніе къ требованіямъ казенной отчетности, но, зная его строгое отношеніе къ себѣ и къ интересамъ дѣла, а также его кристаллическую честность, обычно такія дѣла заканчивали къ удовольствію Гааза. Но не то было при графѣ Закревскомъ. Старикъ приходилось въ эти времена, скрѣпя сердце, удерживать свою страсть къ строительству, тѣмъ болѣе, что и возвращать, „что будетъ признано нужнымъ“, Гаазу уже не было никакой возможности по неимѣнію средствъ.

Какія мытарства въ этомъ отношеніи долженъ былъ выносить бѣдный старикъ, можно усмотрѣть изъ справки по переустройству ретирадъ въ полицейской больницѣ.

Въ сентябрѣ 1845 года Гаазъ началъ хлопотать о передѣлкѣ въ полицейской больницѣ ретирадъ, устройство которыхъ, какъ сказано въ представленіи Гааза, неудобно до невѣроятности: „въ нижнемъ этажѣ 24 женщины и столько же служащихъ мужчинъ и женщинъ пользуются одной маленькой комнатою“.

„Три года“, пишетъ Гаазъ въ 1849 году „забочусь я объ устра-

неніи сего бѣдствія“. Гаазъ представлялъ свой проектъ устройства ретирадъ по образцу устроеннаго имъ въ 1843 году въ Старо-Екатерининской больницѣ и оказавшагося очень хорошимъ. Проектъ Гааза однако не встрѣтилъ сочувствія въ лицѣ члена комитета и архитектора академика Быковскаго, о которомъ Гаазъ говоритъ: „раздѣляя со всей публикой почтеніе къ талантамъ г. Быковскаго, я долженъ полагать, что онъ имѣеть отвращеніе входить въ сужденіе со мною по такимъ предметамъ“. Въ 1851 году Гаазъ вновь ходатайствуетъ „объ устраниніи бѣдствія“ въ своей больницѣ, при чемъ проситъ ознакомиться уполномоченнымъ отъ Комитета съ устроенной имъ моделью проектированной ретирады... Изъ дѣлъ не видно, чтобы эта ретирада была переустроена при жизни Гааза, т. е. до 1853 года.

Но не одно только начальство косилось на Гааза за его страсть къ строительству и всякимъ нововведеніямъ: его товарищи-врачи не всегда одобряли его „новшества и затѣи“. Такъ при капитальномъ ремонтѣ деревяннаго барака Старо-Екатерининской больницы въ 1843 году, Гаазомъ былъ устроенъ между прочимъ шкафъ для сѣрныхъ ваннъ, а также души и дождевыя ванны. Преемникъ Гааза въ своемъ официальном отзывѣ на запросъ по поводу этого пишетъ: „Всѣ сіи вещи, необходимыя для сѣрныхъ и обыкновенныхъ ваннъ, коихъ устройство г. Гаазъ находилъ нужнымъ, при замѣщеніи зданій больницы больными изъ чернорабочаго класса людей, оказались лишними“. Въ своемъ объясненіи по этому поводу Гаазъ между прочимъ говоритъ: „Мнѣ кажется, чернорабочая больница не можетъ тяготиться хранить такія вещи, ибо при другомъ размѣщеніи можетъ понадобится устройство душъ и дождевыхъ ваннъ, столь прославленныхъ нынѣ вездѣ въ Европѣ“. Но болѣе всего пришлось Ѳедору Петровичу перенести душевныхъ мукъ, огорченій и даже тяжелыхъ обидъ при его постоянныхъ заботахъ объ арестантахъ и ссыльныхъ. Въ книгѣ А. Ѳ. Кони приведенъ цѣлый рядъ такихъ фактовъ изъ жизни Гааза, полныхъ захватывающаго душу драматизма. Я позволяю привести здѣсь нѣсколько подобныхъ же случаевъ по дѣламъ, найденныхъ мною въ Губернскомъ архивѣ.

Въ 1850 году при отправкѣ этапа на Воробьевыхъ горахъ ссылаемый на поселеніе арестантъ, прибывшій изъ Тулы и закованный тамъ по его просьбѣ въ ножные кандалы вмѣсто ручныхъ, просилъ, чтобы его перековали снова въ ручные кандалы, такъ какъ по причинѣ опуханія ногъ ему трудно было идти въ ножныхъ кандалахъ. Начальникъ конвоя былъ согласенъ удовлетворить эту законную просьбу арестанта, но находившійся при отправкѣ этапа чиновникъ

по особымъ порученіямъ при московскомъ военномъ генераль-губернаторѣ, Протасьевъ, отказался сдѣлать соотвѣтствующее исправленіе въ статейномъ спискѣ, т. е. написать вмѣсто словъ „слѣдуетъ въ ножныхъ кандалахъ“—„слѣдуетъ въ ручныхъ кандалахъ“.—Тогда Гаазъ „подойдя къ кузнецу, готовящемуся ковать арестанта, отнял у него кандалы, несмотря на протестъ бывшихъ тутъ чиновниковъ, ихъ не отдалъ“. Но Протасьевъ былъ неумолимъ; онъ потребовалъ другіе ножные кандалы и приказалъ заковать въ нихъ арестанта на глазахъ огорченнаго и страдающаго старика Гааза. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ терпѣніе добраго Гааза иногда истощалось. Какъ доносилъ старшій совѣтникъ губернскаго правленія Митусовъ, Гаазъ „громкимъ голосомъ упрекаетъ въ присутствіи арестантовъ чиновниковъ“, что „они злодѣи, тираны, варвары, мучители“. „При этомъ“, пишетъ Митусовъ, „въ чертахъ лицъ арестантовъ можно видѣть явное негодованіе противъ всѣхъ гг. чиновниковъ“. Вполнѣ естественно, что Митусовъ въ концѣ своего рапорта заявляетъ, что „присутствіе Гааза въ главномъ этапѣ и пересыльномъ замкѣ излишне и причиняетъ вредъ и замѣшательство въ службѣ“.

Жалоба Гааза генераль-губернатору гр. Закревскому на состоящаго при немъ по особымъ порученіямъ г. Коптева:

„Въ прошлое воскресенье (25 сентября 1849 г.) четырехлѣтняя сирота, слѣдуя при своей теткѣ-крестной матери, сопровождающей добровольно своего мужа въ Сибирь, отъ ней была отторгнута, и такъ сказать передъ глазами Вашего Сіятельства и Высокопреосвященнаго Митрополита, крестная мать лишена своей питомики, а малолѣтняя сирота безчеловѣчно брошена на улицѣ. Въ совѣсти своей полагаю, что причины несчастій, кои ввѣренныя намъ люди отъ такихъ приключеній претерпѣваютъ, состоятъ не въ Коптевѣ, но въ насъ, членахъ здѣшняго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, не наблюдающихъ между собою истину и миръ, безъ которыхъ, какъ пророкъ Захарія говоритъ, „угоднаго не сотворится“, но хотя и не предвижу, когда сіе бѣдствіе будетъ удалено, однакожь, когда дѣло доходитъ до ужаснаго, то вмѣняю себѣ въ обязанность представлять Вашему Сіятельству, чтобы участь пересыльныхъ арестантовъ не была предоставлена единственно на произволъ г. Коптева. Дѣвочка эта со слезами хотѣла броситься къ теткѣ, но тогда смотритель взялъ ее за ручку, и тетка даже не успѣла проститься съ ребенкомъ“... Коптевъ такъ поступилъ на томъ основаніи, что малютка не значилась въ статейномъ спискѣ.

Жалоба Гааза графомъ Закревскимъ признана не заслуживающей уваженія.

Вотъ еще документъ: изъ докладной записки Гааза 1850 года: „Въ засѣданіи Комитета 30 іюня с. г. я просилъ соизволенія у Его Сіятельства изъясниться о моемъ несчастіи, что по моимъ грѣхамъ бѣдные люди должны страдать, т. е., что по существующему обо мнѣ напрасному мнѣнію, будто бы я слишкомъ снисходительно съ этими людьми поступаю, нынѣ родилась особенная на счетъ ихъ строгость. Такое мое несчастіе усугубилось, черезъ мое въ комитетъ ходатайство отъ 20-го января сего года о предоставленіи арестантамъ права быть прикованными къ ручнымъ цѣпямъ, если данные имъ изъ милости ножные кандалы окажутся для нихъ обременительными. Въ этой запискѣ я доказывалъ, что всѣ затрудненія въ семь дѣлъ исчезнутъ, ежели начальству инвалидной команды дастся предписаніе снимать въ такихъ случаяхъ кандалы съ тѣмъ, чтобы арестанты берегли ихъ въ своихъ мѣшкахъ, подобно тому, какъ ссыльныя женщины имѣютъ при себѣ въ своихъ мѣшкахъ ручныя цѣпи, которыя имъ выдаются, но не налагаются. Сія моя записка, черезъ губернское правленіе, дошла до начальника здѣшной внутренней стражи, отъ коего и послѣдовалъ запросъ къ начальнику инвалидной команды на Воробьевыхъ горахъ: почему эти женщины носятъ ручныя кандалы въ своихъ мѣшкахъ? Съ тѣхъ поръ при отправкѣ ссылаемыхъ въ Сибирь арестантокъ обильныя слезы стали течь отъ того, что начали ковать женщинъ въ ручныя кандалы, которые, какъ очевидно изъ прилагаемаго при семъ образца, ужасно обременительны (ибо, приковывая руку къ рукѣ, не допускаютъ движенія оныхъ, много облегчающаго человѣка, идущаго пѣшкомъ, и сверхъ того при ходьбѣ по труднымъ дорогамъ и по грязи лишаютъ возможности, протягиваніемъ руки вверхъ, предотвратить случающееся иногда паденіе). При этомъ на Воробьевыхъ горахъ публично объявляется, что женщины сему мученію обязаны Гаазу и обязаны тѣмъ, что Гаазъ довелъ до свѣдѣнія правительства о напрасныхъ расходахъ на женскіе ручныя кандалы, которые по обыкновенію не употреблялись, исключая рѣдкихъ случаевъ. При такомъ зрѣлищѣ, когда несчастныя плачутъ и при всѣхъ объявляютъ, что Гаазъ тому причиной, члены комитета и другіе чиновники улыбаются или прямо смѣются“.

Но безпредѣльно добрый Гаазъ, когда это было нужно, выступалъ смѣло и рѣшительно.

Вотъ, какъ онъ писалъ въ 1843 году московскому губернатору Сениавину:

„Въ 1839 и 1840 годахъ часто случалось, что иногда (арестанты) дорогою продавали свою одежду, какъ признавались они, изъ крайности за недостаткомъ хлѣба. Хлѣбъ былъ тогда дорогой, по 10 коп.

(ассигнаціями) фунтъ, а тогда получали кормовыхъ денегъ по 12 только копеекъ. Даже бывали случаи, что и этихъ 12 коп. за нѣсколько дней на нѣкоторыхъ станціяхъ не получали. Не сдѣлалось извѣстнымъ, чтобы Губернское Правленіе распорядилось удовлетвореніемъ сихъ людей въ необходимомъ количествѣ хлѣба; однакожь было извѣстно, что Губернское Правленіе распорядилось, чтобы люди, признавшіеся въ продажѣ одежды для пріобрѣтенія хлѣба, были наказаны. Позвольте мнѣ, какъ члену Тюремнаго комитета, передъ Вашимъ Превосходительствомъ, какъ первенствующимъ членомъ того же комитета, по сердцу признаться, что это было безчеловѣчно. Правительство не можетъ пріобрѣсти въ нѣдрахъ своихъ миръ, силу и славу, если всѣ его дѣйствія и отношенія не будутъ основаны на христіанскомъ благочестіи. Да не напрасно гласъ пророка Малахія оканчивается сими грозными словами: „если не найдется въ людяхъ взаимныхъ сердечныхъ расположеній, то поразится земля въ конецъ“.

Такое отношеніе къ несчастнымъ заставляло добродушнаго Гааза иногда даже говорить съ ироніей.

„Губернское Правленіе“, пишетъ онъ, „столь неустанно намъ напоминаетъ о необходимости придерживаться закона, что при незнаніи подробностей закона слѣдуетъ только взирать на дѣйствія онаго Правленія и уповать, что, подражая ему, будешь обезпеченъ отъ всякаго сомнѣнія въ ошибкѣ и будешь правымъ“.

Заботы и труды Гааза по облегченію человѣческихъ страданій и несчастія не находили иногда живого отклика даже тамъ, гдѣ этого всего менѣе можно было ожидать.

Өддоръ Петровичъ хорошо зналъ, что доброе, нѣжное сердце женщины болѣе отзывчиво къ горю и страданіямъ другихъ, чѣмъ сердце мужчины, влеченія котораго нерѣдко сдерживаются холодной волей разсудка. Не даромъ онъ обратился къ женщинамъ съ горячимъ, трогательнымъ призывомъ въ своей извѣстной книжкѣ: „Appel à femmes“. Въ кругу друзей и сподвижниковъ Гааза было не мало женщинъ, горячо ему сочувствующихъ, но и здѣсь бывали исключенія.

Позволю привести примѣръ:

Членъ дамскаго попечительства о тюрьмахъ комитета Наумова въ письмѣ къ графу Закревскому по поводу женской тюрьмы и арестантской больницы между прочимъ писала: „Гаазъ добрѣйшая слабая душа: ходитъ въ собственномъ устроенномъ мірѣ и балуетъ арестантовъ до невозможности: я своими ушами слышала, какъ говорила одна арестантка: „я сюда попала въ первый разъ, да дай Богъ, вѣкъ такъ прожить“.

Конечно, намъ неизвѣстно и сотой доли тѣхъ страданій, тѣхъ нравственныхъ мукъ, которыя перенесъ и претерпѣлъ этотъ мужественный и неутомимый борецъ за правду, этотъ апостоль любви и милосердія. Но и у Гааза были отрадныя моменты въ жизни, были даже счастливыя дни, которые воодушевляли его, давали ему новыя силы для дѣятельности и борьбы и окрыляли его надежду на торжество правды. Вѣдь его идеаль счастья, какъ онъ писалъ своему воспитаннику Норшину, заключался не въ желаніи быть счастливымъ, а въ томъ, чтобы сдѣлать счастливыми другихъ, поэтому, представляя себѣ мысленно весь пройденный имъ жизненный путь, все сдѣланное имъ для людей, нельзя не придти къ заключенію, что Федоръ Петровичъ былъ гораздо болѣе счастливъ, чѣмъ это казалось съ перваго взгляда многимъ и особенно его современникамъ.

Но у Федора Петровича были выдающіеся дни по счастью, къ числу которыхъ относится 8-е апрѣля 1829 года и 8-е мая 1845 года.

Въ первый изъ этихъ дней московскій генераль-губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ пріѣхалъ въ Покровскія казармы по докладу Федора Петровича ознакомиться съ процедурой заковыванія арестантовъ на пруть. Убѣдившись въ справедливости доводовъ Гааза, онъ распорядился отмѣнить этотъ способъ заковыванія, а взамѣнъ его употреблять ножныя кандалы. „Происшествіе 8-го апрѣля“, пишетъ Гаазъ, „почитаю важнѣйшимъ и счастливѣйшимъ въ моей жизни“. 8-го мая 1845 года, исключительно благодаря заботамъ Гааза, открыта больница для безпріютныхъ. По этому поводу онъ пишетъ: „когда въ 1844 году родилась нужда перевести изъ Екатерининской больницы оставшихся тамъ безпріютныхъ больныхъ и найти прібѣжище на будущее время такого рода нуждающимся больнымъ, то оказалось чрезвычайно счастливо и какъ особенное провидѣніе Божіе приготовило сей случай, что сей домъ находился у начальника города и могъ быть назначенъ на сей предметъ“. Несомнѣнно и день 8-го мая 1845 года былъ тоже одинъ изъ счастливѣйшихъ въ жизни Федора Петровича. Наконецъ, Федоръ Петровичъ былъ счастливъ тѣмъ, что онъ не зналъ страха смерти и, слѣдуя во всемъ заповѣдямъ Христа, былъ всегда готовъ къ переходу въ вѣчную жизнь. Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить трогательнаго эпизода изъ его жизни въ тотъ періодъ ея, когда онъ не имѣлъ не только дома, имѣнія и лошадей, но жилъ, не замѣчая этого, среди большихъ лишеній. Въ 1850 году въ Тюремномъ комитетѣ обсуждался проектъ новыхъ штатовъ тюремныхъ больницъ, по которому окладъ главному доктору увеличивался

до 1.000 руб. въ годъ, вмѣсто 514 руб. Гаазъ приложилъ къ журналу слѣдующее мнѣніе: „На счетъ прибавленія жалованья служащимъ въ больницахъ согласенъ, но не желаю самъ пользоваться имъ. Имѣю честь изъясниться, что размышляя о томъ, что мнѣ остается только мало срока жизни, рѣшился не беспокоить комитетъ никакими представленіями сего рода“.

Въ заключеніе позволяю себѣ опубликовать нѣсколько выписокъ изъ докладныхъ записокъ Гааза, въ которыхъ такъ рельефно обрисовывается глубина его религіознаго чувства.

Быть можетъ, эти выписки прочтутъ и тѣ пастыри православной церкви, которые или по своей религіозной нетерпимости, или по инымъ причинамъ, не находятъ возможнымъ молиться объ усопшемъ рабѣ Божіемъ Теодорѣ только потому, что онъ былъ католикъ.

„Во мнозѣ правдѣ—крѣпость многа, говорится въ притчахъ Соломона или, какъ въ иныхъ переводахъ изъясняется, „въ изобиліи правосудія сила чрезвычайная“. Посему можетъ показаться достаточнымъ быть справедливымъ, только придерживаясь закона. Но сего по истинѣ недостаточно и неудовлетворительно. Во многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія изображена необходимость и важность присоединенія къ правосудію милосердія. Въ Новомъ Завѣтѣ Спаситель сказалъ: „Блажени кротціи, ибо они наслѣдуютъ землю“. Сія слова можно понимать такъ, что черезъ кроткое, милостивое обхожденіе будемъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ людей, а привлекиши сердца ихъ, владѣть всѣмъ на землѣ“.

„Правосудіемъ и милостію Государь уподобляется Богу. Сколько подданные имѣютъ нужду пользоваться сими качествами, столь же Государь желанія имѣетъ излить ихъ, подобно кормилицѣ, у коей столько же желанія питать своимъ молокомъ младенца, сколько у младенца необходимости имъ питаться. И неизвѣстно было бы, кто въ такомъ взаимномъ единеніи болѣе счастливъ, если бы самъ Спаситель не изрекъ, что счастливъ болѣе дающій, нежели приемиющій. Слѣдовательно, случай оказать Государю милосердіе суть случай сдѣлать его счастливымъ...“

„Опытъ доказалъ и по обыкновеннымъ чувствованіямъ челоувѣческимъ ожидать можно, что арестанты только тогда способны къ воспріятію убѣжденій религіозныхъ и нравственныхъ, когда разсудокъ ихъ успокоенъ и сердце привлечено существеннымъ доказательствомъ чистосердечнаго участія, принимаемаго въ ихъ положеніи. Увѣреніе сіе, столь необходимое, можетъ быть только послѣдствіемъ совершенной довѣренности въ томъ, что единое чистосердечное желаніе есть желаніе добра. Одни увѣренія и обѣщанія для арестантовъ недостаточны. Они по своему образу мыслей,

впрочемъ естественному, соображаютъ слова съ дѣйствіями и только тогда передаютъ сердце свое, когда бываютъ убѣждены поступками совершенной къ нимъ справедливости и правосудія. Совершенная же справедливость такъ рѣдка, что она требуетъ столько же заботливости, какъ и искренняго желанія быть справедливымъ. Такая увѣренность должна поселяться между арестантами непримѣтнымъ образомъ, какъ бы отъ стѣнъ темничныхъ отражалась оная“.

„Занимаясь съ раскольниками въ разсужденіи различныхъ мнѣній ихъ о догматахъ вѣры, нельзя не скорбѣть душевно о несчастіи, въ коемъ сіи бѣдные люди находятся по чрезвычайному невѣжеству и совершенному упорству своему. Быть можетъ величайшее назначеніе комитета есть то, чтобы служить для церкви мрежею, въ коей стануть останавливаться заблудшія и погибающія дѣти, дружжелюбнымъ обращеніемъ и поученіемъ водворить въ нихъ чувство взаимной любви и истинной вѣры. Они суть заблудшія дѣти изъ дома Израилева, возвращеніе коихъ на лоно матери-церкви причинитъ неизъяснимую радость“.

Ө. П. Гаазъ скончался въ 1853 году. Двадцатитысячная толпа народа шла за его гробомъ, съ искренними и горячими слезами провожая его прахъ на кладбище. Друзья Ѳедора Петровича поставили на его могилѣ скромный памятникъ. Съ годами могила была заброшена и память о „святомъ докторѣ“ стала забываться. Но въ 1891 году памятникъ и ограда были исправлены заботами Московскаго тюремнаго комитета. Съ уходомъ въ вѣчность живыхъ свидѣтелей жизни и дѣятельности Гааза, память о немъ продолжала все болѣе и болѣе утрачиваться и лучезарный образъ его личности постепенно заволакивался пеленой забвенія. Забытаго Гааза воскресилъ въ памяти народной А. Ө. Кони въ своемъ талантливомъ біографическомъ очеркѣ; онъ создалъ ему памятникъ нерукотворный, чудный по величію и художественной красотѣ. Отнынѣ имя Гааза и его нравственный обликъ не умрутъ... Но кромѣ біографіи А. Ө. Кони для укрѣпленія и прославленія памяти о Ө. П. Гаазѣ сдѣлано и еще кое-что. Еще до выхода въ свѣтъ труда А. Ө. Кони, главнымъ докторомъ Александровской больницы покойнымъ Л. С. Шайкевичемъ въ 1885 году былъ собранъ капиталъ на обезпеченіе содержанія въ больницѣ благотворительной кровати имени доктора Ө. П. Гааза. Въ этой больницѣ хранится представляющій собою нынѣ большую рѣдкость гравированный портретъ Гааза, а также принадлежавшее ему кресло; кромѣ того имѣется бюстъ Ѳедора Петровича, полученный больницею отъ

А. Ө. Кони, къ которому онъ перешелъ по завѣщательному распоряженію А. К. Жизневскаго, бывшаго съ Гаазомъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Въ 1904 года гласные Московской городской думы Н. И. Гучковъ и С. В. Пучковъ подали въ думу заявленіе, въ которомъ между прочимъ было сказано: „чувства благоговѣнія и уваженія къ личности Өедора Петровича Гааза, отдавшаго всѣ лучшіе годы своей жизни и своей дѣятельности Москвѣ, налагаютъ, какъ намъ кажется, на городское управленіе священный долгъ взять на себя заботу по охраненію его могилы въ томъ видѣ, какъ это приличествуетъ его святой и самоотверженной жизни“. Городская дума по поводу этого заявленія постановила: 1) просить гласныхъ, подававшихъ заявленіе, взять на себя ближайшія заботы по благоустройству могилы Ө. П. Гаазу; 2) поручить городской управѣ разработать планъ и смѣту на постройку и содержаніе пріюта имени д-ра Гааза для престарѣлыхъ и хрониковъ на 25 кроватей; 3) возбудить ходатайство объ открытіи подписки на сооруженіе въ г. Москвѣ памятника Ө. П. Гаазу. Порученіе, данное думою гласнымъ Н. И. Гучкову и С. В. Пучкову, ими было исполнено въ слѣдующемъ 1905 году.

Памятникъ на могилѣ былъ подновленъ; подъ него подведена новая гранитная плита, на которой золотыми буквами изображенъ бессмертный афоризмъ Гааза: „спѣшите дѣлать добро“. Взамѣнъ старой довольно плохой ограды поставлена новая прекрасной работы съ бронзовымъ барельефомъ покойнаго и съ бронзовыми изображеніями пылающихъ факеловъ по угламъ. На передней и двухъ боковыхъ сторонахъ ограды повѣшены разорванные кандалы временъ Гааза. На все это было израсходовано около 2.000 рублей. Комитетъ по благоустройству кладбища инновѣрческихъ исповѣданій изъ уваженія къ памяти покойнаго взялъ на себя безвозмездно заботу по охранѣ могилы.

Два другія постановленія думы не исполнены благодаря ряду неблагоприятныхъ обстоятельствъ—войнѣ, послѣдовавшей за ней политической смутѣ и финансовымъ затрудненіямъ города; хотя подписка на сооруженіе памятника и была разрѣшена, но всего на это дѣло поступило пожертвованій на ничтожную сумму (36 руб. 40 коп.).

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ я въ концѣ 1908 года рѣшился взять на себя починъ постановки памятника Ө. П. Гаазу въ Александровской больницѣ, а весной 1909 года объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что памятникъ будетъ поставленъ осенью того же года. Я позволилъ себѣ сдѣлать такой шагъ, благодаря горячему сочувствію и поддержкѣ въ этомъ дѣлѣ московскаго городского головы

Н. И. Гучкова, художниковъ И. С. Остроухова и Н. А. Андреева и попечителя Александровской больницы барона А. Л. Кнопъ, который заявилъ мнѣ о своей готовности пожертвовать на это дѣло 1.000 рублей. Я встрѣтилъ всюду такой живой откликъ на мой призывъ, что собралъ на памятникъ пожертвованій болѣе 5.200 руб.; между тѣмъ за отливку бюста и гранитный пьедесталь я уплатилъ только 3.200 руб. Оставшаяся сумма распределена такимъ образомъ: 1.000 внесены въ кассу Александровской больницы на устройство вокругъ сквера, гдѣ поставленъ памятникъ, металлической рѣшетки по эскизу художника Андреева и на разбивку цвѣтника. Кромѣ того 1.000 руб. внесены на усиленіе фонда имени Ө. П. Гааза въ Ольгинское благотворительное общество при больницѣ. Этотъ фондъ получилъ свое начало еще въ 1899 году и ко дню открытія памятника достигъ 19.000 руб., такъ какъ на общемъ собраніи членовъ общества 21 августа 1909 года между прочимъ было постановлено: въ ознаменованіе открытія памятника Гаазу отчислить 9.000 руб. на усиленіе благотворительнаго капитала имени покойнаго и возбудить ходатайство объ измѣненіи названія общества, наименовавъ его „Ольгинское благотворительное общество въ память доктора Ө. П. Гааза при Александровской больницѣ“. Ходатайство это нынѣ удовлетворено.

Въ заключеніе позволю себѣ описать, по возможности кратко, торжество открытія памятника, состоявшееся 1-го октября 1909 года.

Въ этотъ день въ 10 ч. утра у могилы Гааза на Введенскихъ горахъ была отслужена по обрядамъ римско-католической церкви панихида. Могила и памятникъ были богато убраны декоративными растеніями и цвѣтами; панихиду служилъ деканъ польской церкви во имя Св. Апп. Петра и Павла А. М. Василевскій въ присутствіи: московскаго городского головы Н. И. Гучкова, главнаго доктора Александровской больницы С. В. Пучкова, предсѣдателя и членовъ комитета по благоустройству кладбища и почитателей памяти покойнаго.

Торжество открытія памятника въ Александровской больницѣ было назначено въ 2 часа. Къ этому времени Мал. Казенный пер., по которому расположены владѣнія больницы, наполнился экипажами и массами народа. Дворъ больницы и ея зданія были красиво убраны національными флагами. По срединѣ двора въ небольшомъ скверѣ возвышался памятникъ, покрытый парусинымъ покрываломъ. У входа въ скверъ была построена арка, убранная матеріями національныхъ цвѣтовъ и зеленью, на фронтонѣ ея виднѣлась крупная надпись изъ зелени: „Спѣшите дѣлать добро“, а надъ надписью былъ укрѣпленъ лавровый вѣнокъ; вокругъ сквера развѣвались національ-

ные флаги. Дворъ больницы къ двумъ часамъ былъ занятъ приглашенными лицами: представителями администраціи и различныхъ учрежденій, благотворительныхъ и ученыхъ обществъ, а также служебнымъ персоналомъ больницы и больными. Присутствовали: московскій губернаторъ В. Ф. Джунковскій, московскій градоначальникъ А. А. Адриановъ, губернскаго предводитель дворянства А. Д. Самаринъ, городской голова Н. И. Гучковъ, члены городской управы, гласные думы, представители главнаго тюремнаго управленія, мѣстнаго тюремнаго комитета, главные врачи городскихъ больницъ, земскіе врачи, тюремные врачи, представители судебныхъ установленій, врачебнаго управленія и проч. Вокругъ сквера на трехъ эстрадахъ расположились три хора пѣвчихъ: воспитанниковъ городского Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта,—арестантовъ, одѣтыхъ въ сѣрыя куртки и такія же шапки, и дѣтскаго хора воспитанницъ пріюта при городской Общинѣ сестеръ милосердія, учрежденной кн. Шаховской; въ глубинѣ двора расположился оркестръ воспитанниковъ Рукавишниковскаго пріюта.

Въ началѣ 3-го часа началась торжественная панихида. Служило православное духовенство во главѣ съ протоіереемъ Александровскаго военнаго училища Н. П. Добронравовымъ, въ сослуженіи священниковъ Московской пересыльной тюрьмы Георгіева, Александровской больницы—Виноградова, протодіакона Успенскаго собора Розова и діакона больничной церкви Смирнова. Наступила торжественная минута—мощный голосъ провозгласилъ: „рабу Божию Ѡедору вѣчная память...“. Голоса дѣтскаго хора сливаются въ чудной трогательной гармоніи съ голосами людей въ сѣрыхъ курткахъ. Присутствующіе опускаются на колѣна... у многихъ на глазахъ слезы. Въ этотъ самый моментъ показывается солнце, завѣса съ памятника падаетъ, и среди толпы людей, полныхъ глубокаго чувства умиленія, предстаетъ отлитый въ бронзѣ Ѡедоръ Петровичъ Гаазъ со своими добрыми и умными чертами лица...

Духовенство окропило памятникъ, послѣ чего въ стройномъ порядкѣ, благодаря участію студентовъ распорядителей, подъ звуки „Коль славенъ“ оркестра Рукавишниковскаго пріюта началось шествіе депутацій къ памятнику и возложеніе къ его подножію вѣнковъ.

1. Первый вѣнокъ—крестъ изъ живыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ безъ всякихъ лентъ и надписей отъ Великой Княгини Елисаветы Ѡеодоровны былъ возложенъ управляющимъ дворомъ Ея Высочества камергеромъ А. Л. Корниловымъ.

Затѣмъ были возложены вѣнки со слѣдующими надписями:

2. Незабвенному Ѡ. П. Гаазу отъ главнаго тюремнаго управленія.

3. Вѣчной памяти доктора Ѡ. П. Гааза, основателя больницы для безпріютныхъ въ Москвѣ. Отъ Управленія Московскаго генераль-губернатора.

4. Вѣчной памяти доктора Ѡ. П. Гааза отъ почетнаго попечителя Александровской больницы въ Москвѣ.

5. Незабвенному гуманисту Ѡ. П. Гаазу отъ Московскаго окружнаго суда и состоящихъ при немъ судебныхъ слѣдователей и прокурорскаго надзора.

6. Ѡ. П. Гаазу отъ Московскаго городского общественнаго управленія.

7. Другу человѣчества Ѡ. П. Гаазу отъ мировыхъ судей г. Москвы.

8. Бывшему штадъ-физику Московской медицинской конторы Ѡ. П. Гаазу отъ Московскаго врачебнаго управленія.

9. Другу несчастныхъ Ѡ. П. Гаазу. Отъ Московскаго дамскаго благотворительнаго тюремнаго комитета.

10. Учителю милосердія Ѡ. П. Гаазу. Отъ городскихъ участковыхъ Попечительствъ о бѣдныхъ.

11. Устроителю больницы и члену совѣта ея перваго состава. Отъ Московской глазной больницы незабвенному Ѡ. П. Гаазу.

12. Ѡ. П. Гаазу. Великому филантропу—врачу. Отъ врачей Московской Павловской больницы въ память служенія его въ этой больницѣ въ 1807—1812 гг.

13. Врачу-человѣку, другу несчастныхъ Ѡ. П. Гаазу. Врачебно-санитарныя учрежденія г. Москвы.

14. Вѣчной памяти доктора Ѡ. П. Гааза. Московское управленіе Краснаго Креста.

15. Ѡ. П. Гаазу. Московскіе тюремные врачи.

16. Свѣтлой памяти великаго человѣколюбца-врача, основателя и гуманнѣйшаго руководителя бывшей Гаазовской больницы. Отъ ординаторовъ Александровской больницы.

17. Незабвенному врачу-гуманисту. Отъ городской Яузской больницы.

18. Свѣтлой памяти врача-гуманиста Ѡ. П. Гааза. Московскій военный госпиталь.

19. Великому гуманисту врачу Ѡ. П. Гаазу. Отъ комиссіи амбулаторныхъ врачей при Московской городской управѣ.

20. Незабвенной памяти врача-гуманиста Ѡ. П. Гааза. Голицынская больница.

21. Ѡ. П. Гаазу. Отъ врачей Маріинской больницы для бѣдныхъ.

22. Великому гуманисту Ѡ. П. Гаазу. Александровская больница Московскаго купеческаго общества.

23. Дорогому учителю милосердія. Отъ Общины сестеръ милосердія „Утоли моя печали“ имени кн. Н. Б. Шаховской.

24. Незабвенному Ѳ. П. Гаазу. Руковишниковскій приютъ.

25. Свѣтлому врачу-человѣку Ѳ. П. Гаазу. Отъ Иверской общины сестеръ милосердія Краснаго Креста.

26. Отцу и покровителю сиротъ. Отъ дѣтскаго приюта Общины „Утоли моя печали“ имени кн. Шаховской.

27. Незабвенному другу несчастныхъ Ѳ. П. Гаазу. Отъ Московскаго попечительнаго комитета о бѣдныхъ.

28. Основателю больницы для безпріютныхъ Ѳ. П. Гаазу. Отъ Ольгинскаго благотворительнаго общества.

29. Учителю жизни Гаазу. Отъ редакціи журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

30. Отъ семьи Самариныхъ. Въ память совмѣстной работы Ѳедора Васильевича Самарина съ Ѳ. П. Гаазомъ.

31. Великому гуманисту Ѳ. П. Гаазу. Общество дѣятелей періодической печати и литературы.

32. Памяти высокогуманнаго человѣка Ѳ. П. Гааза. Отъ Н. А. Беръ.

33. Ѳ. П. Гаазу. Отъ Московскаго литературно-художественнаго кружка.

34. Нашему доктору Ѳ. П. Гаазу. Отъ заключенныхъ въ Московской губернской тюрьмѣ.

По окончаніи церемоніи возложенія вѣнковъ, приглашенные направились въ актовъ залъ больницы на торжественное собраніе, посвященное памяти Ѳ. П. Гааза. Въ это время къ памятнику устремились нетерпѣливо ожидавшія толпы народа. Актовъ залъ былъ убранъ декоративными растеніями и цвѣтами; потолокъ и стѣны задрапированы матеріей. За средней частью эстрады портреты Государя и Государыни въ цвѣтахъ; на одной изъ боковыхъ сторонъ эстрады бюстъ Гааза весь въ зелени тропическихъ растеній.

За столомъ на эстрадѣ размѣстились: Почетный попечитель больницы В. Ф. Джунковскій, главный докторъ больницы С. В. Пучковъ, градоначальникъ А. А. Адриановъ, представитель Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны А. П. Корниловъ, городской голова Н. И. Гучковъ, протоіерей Н. П. Добронравовъ, деканъ А. М. Василевскій.

Первое слово было предоставлено протоіерею Н. П. Добронравову. Въ живой прочувствованной рѣчи ораторъ освѣтилъ личность Гааза, какъ человѣка, который въ продолженіе всей своей многолѣтней жизни неизмѣнно руководился идеалами христіанской правды въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Будучи католикомъ, онъ всегда былъ врагомъ религіозной нетерпимости—его глубоко возму-

щали преслѣдованія за религіозныя убѣжденія. „Его образъ“, сказалъ въ заключеніе ораторъ, „сіяющій нравственной мощью, убѣждаетъ насъ, что и въ наше время жестокости и неправды можно жить и дѣйствовать согласно высокимъ идеаламъ христіанскаго ученія“.

Ксендзъ-деканъ А. М. Василевскій въ своей рѣчи отмѣтилъ, что приходъ римско-католической церкви Св. Ап. Петра и Павла, гдѣ онъ нынѣ состоитъ настоятелемъ, въ свое время оцѣнилъ высокія религіозныя чувства Гааза, избравъ его однимъ изъ синдиковъ (членовъ Совѣта). Знаменательно то, что это время совпало съ основаніемъ при церкви богадѣльни для престарѣлыхъ женщинъ—можно догадываться, что это доброе дѣло устроено было по инициативѣ Гааза. Въ ознаменованіе открытія памятника въ средѣ прихожанъ возникла мысль устроить библіотеку имени Гааза при основанной въ настоящемъ году въ Московской центральной тюрьмѣ римско-католической часовнѣ. Цѣль этой библіотеки—дать заключеннымъ католикамъ возможность на ихъ родномъ языкѣ укрѣплять въ себѣ тѣ религіозныя и нравственныя основы, которыя могли бы облегчить ихъ тяжелую участь и поднять ихъ на высоту тѣхъ идеаловъ, которымъ такъ самоотверженно служилъ докторъ Гаазъ.

Послѣ рѣчей духовныхъ лицъ по предложенію предсѣдателя собраніе почтило память Ө. П. Гааза вставаніемъ. Затѣмъ главнымъ докторомъ Александровской больницы С. В. Пучковымъ была произнесена рѣчь, въ которой онъ охарактеризовалъ Гааза, какъ общественнаго дѣятеля. Городской голова Н. И. Гучковъ сдѣлалъ собранію слѣдующее заявленіе: „Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна приказала мнѣ передать ея привѣтъ собранію. Ея Высочество выражаетъ свое горячее сочувствіе сегодняшнему торжеству и глубокое сожалѣніе, что она лишена возможности присутствовать на немъ лично. Отъ себя считаю долгомъ отмѣтить, что привѣтъ нашей Московской Великой Княгини представляется высоко и исключительно цѣннымъ. Наша Великая Княгиня являетъ собой яркій лучезарный свѣточъ той христіанской любви, которой былъ преисполненъ незабвенный Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Она представляетъ изъ себя ту чудную, чистую сокровищницу, которая нетлѣнно хранитъ въ себѣ начала правды, служителемъ которыхъ былъ Гаазъ. Да будетъ же сегодняшній привѣтъ Великой Княгини для насъ новымъ стимуломъ для объединенія во имя великихъ идеаловъ любви, добра и правды“.

Послѣ этого главнымъ докторомъ больницы С. В. Пучковымъ прочитано было полученное имъ письмо А. Ө. Кони слѣдующаго содержанія:

*

Милостивый государь

Сергѣй Васильевичъ!

„Къ великому моему сожалѣнію состояніе моего здоровья лишаетъ меня возможности присутствовать, согласно вашему любезному приглашенію, на торжествѣ открытія памятника Өедору Петровичу Гаазу, но всей душой присоединяюсь я къ тѣмъ, кто соберется воздать заслуженную дань тому, кого недаромъ, въ свое время, называли „святымъ докторомъ“. Вполнѣ раздѣляя тѣ чувства, которыя приведутъ васъ къ подножію сооруженнаго вашими стараніями памятника, я питаю къ Өедору Петровичу еще и личную безконечную благодарность за тѣ минуты душевнаго умиленія, которыя я испытывалъ, описывая, по мѣрѣ силъ и умѣнья, его чистую, какъ кристаллъ, жизнь и его возвышенную дѣятельность, нерѣдко вынужденный оставлять перо подъ вліяніемъ радостнаго волненія при мысли, что такой человекъ, въ лучшемъ и глубочайшемъ смыслѣ слова, жилъ и дѣйствовалъ среди насъ...

И на отдѣльныхъ людей и на цѣлое общество въ ихъ лучшихъ порывахъ дѣйствуютъ гораздо болѣе живые примѣры, чѣмъ теоретическіе идеалы. Люди, давно ушедшіе изъ жизни, продолжаютъ своимъ примѣромъ дѣйствовать, какъ живые: сначала о нихъ повѣствуютъ очевидцы, потомъ живетъ о нихъ преданіе, затѣмъ наступаетъ для нихъ исторія и, къ сожалѣнію, не такъ часто и не такъ скоро ихъ образъ, говорящій сердцу и уму, запечатлѣвается для будущаго въ мраморѣ или бронзѣ. Въ этомъ послѣднемъ актѣ общественнаго правосудія нельзя не видѣть торжества высокихъ и безкорыстныхъ началъ человѣческаго духа.

При такомъ торжествѣ будутъ всѣ приглашенные присутствовать въ день открытія памятника Ө. П. Гаазу. Этотъ памятникъ поставленъ не только активному человекѣлюбцу, не только врачу душъ и тѣлесъ, но и, главнымъ образомъ, служителю долга въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, не по обязанности, а по внутреннему велѣнію своей совѣсти, служителю безтрепетному и вѣрующему въ правоту своего дѣла. Онъ поставленъ тому, кто представлялъ собою живое отрицаніе тѣхъ растлѣвающихъ волю сомнѣній, которыя такъ часто обезображиваютъ нашу жизнь, сводя все къ матеріальнымъ условіямъ злобы дня. „Нельзя слѣдовать во всемъ ученію Христа“, говорятъ намъ: „оно непримѣнимо къ практической жизни: имъ можно полюбоваться, какъ идеаломъ, но руководиться имъ можетъ только смѣшной чудакъ, не желающій считаться съ дѣйствительностью“. Такимъ, по мнѣнію современниковъ, „смѣшнымъ чудакомъ“

былъ тотъ Өедоръ Петровичъ, память котораго нынѣ чувствуется. Онъ понималъ, что христіанскій идеалъ не есть нѣчто, чѣмъ можно любоваться лишь издали. Для него этотъ идеалъ былъ маякомъ, освѣщающимъ жизненный путь. Посвятивъ себя всецѣло добру и милосердію, Өедоръ Петровичъ показалъ, какъ слѣдуетъ идти по этому пути. Онъ глубоко понялъ слова Христа „аще не умреть—не оживетъ“, и доказалъ своею непрерывной и неустанной дѣятельностью, что, отказавшись отъ личнаго счастья, спокойствія и удобствъ въ пользу счастья другихъ и многихъ и умеревъ для личной жизни, человекъ съ чистой душой оживаетъ для иной, тоже земной, но болѣе широкой жизни, и въ ней находятъ себѣ удовлетвореніе и исходъ своимъ силамъ. Какъ часто, видя людскія немощи, несчастія и страданія, смотрятъ назадъ, близоруко ищутъ причину и, отыскавъ, на этомъ успокаиваются. Но Гаазъ смотрѣлъ и впередъ. Его интересовали не однѣ причины несчастія, а послѣдствія, и съ ними онъ боролся всѣми силами души и своей энергіи, умѣя утѣшать озлобленныхъ и обездоленныхъ и вызывать въ ихъ сердца примиреніе съ Богомъ и покорность Его волѣ. Ему приходилось дѣйствовать въ очень тяжелыя времена, при господствѣ насилія и неуваженія къ человѣческому достоинству, среди непониманія и оскорбленій. „Ему слѣдовало,—скажутъ, быть можетъ,—отвернуться съ негодованіемъ отъ этихъ условій, избѣгать соприкосновенія съ ними и отрясти прахъ ногъ своихъ отъ этой чуждой ему среды, памятуя, что „блаженъ мужъ, иже не иде...“ Но это значило бы жить для себя въ сознательномъ невѣдѣніи и своекорыстномъ спокойствіи, „слушая и не слыша, слыша и не слушая“. Өедоръ Петровичъ зналъ, что есть другой совѣтъ, въ которомъ говорится „не участвуйте въ дѣлахъ тьмы, но и обличайте“, и вся его жизнь была однимъ непреклоннымъ и осязательнымъ обличеніемъ. „Что можетъ сдѣлать одинъ противъ среды?“ говорятъ практическіе мудрецы, ссылаясь на поговорку „одинъ въ полѣ не воинъ“. „Нѣтъ!“ отвѣчаетъ имъ всей своей личностью Гаазъ: „и одинъ въ полѣ воинъ!“ Вокругъ него, въ память его, соберутся другіе, и если онъ воевалъ за правду, то сбудутся слова апостола: „все минется, одна правда останется“. И развѣ то мѣсто, гдѣ воздвигнуть памятникъ, гдѣ жилъ и страдалъ „святой докторъ“, гдѣ онъ сѣялъ въ потѣ лица сѣмена своей любви къ людямъ, не свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ не одинъ, что на призывъ его личности и памяти о немъ пришли другіе и продолжили, укрѣпили и расширили его дѣло? Да!.. все минется!.. Миновался и Закревскій, собиравшійся выслать изъ Москвы Гаазу, миновался и Капцевичъ, рекомендовавшій сократить „утрированного филантропа“; почилъ знаменитый московскій іерархъ

митрополитъ Филаретъ, не разъ спорившій съ Гаазомъ въ тюремномъ комитетѣ, но признавшій для себя нравственно обязательнымъ разрѣшить православному духовенству служить молебенъ о выздоровленіи Ѡедора Петровича и самъ посѣтившій его предъ его кончиной для того, чтобы проститься по-братски; сошли въ могилу и далекіе каторжники, молившіеся у сооруженной ими въ память Гааза иконы Ѡедора Тирона, а онъ... онъ остался. И отнынѣ онъ останется не только запечатлѣнный въ сердцахъ всѣхъ, кто узнаетъ, кто услышитъ о томъ, кто такой онъ былъ,—но и какъ отлитый въ бронзѣ молчаливый укоръ малодушнымъ, утѣшеніе алчущимъ и жаждущимъ правды и примѣръ дѣятельной любви къ людямъ.

Примите и пр.

Анатолій Кони.

По прочтеніи этого письма по адресу его автора послѣдовали единодушные и продолжительные аплодисменты всего собранія, по желанію котораго А. Ѡ. Кони была послана привѣтственная телеграмма.

Дальнѣйшія привѣтствія слѣдовали въ такомъ порядкѣ:

Отъ Московскаго мужского тюремнаго комитета (товарищъ предсѣдателя).

„ Московскаго городского общественнаго управленія (городской голова).

„ Московскаго окружнаго суда (предсѣдатель суда).

„ медицинскаго факультета Императорскаго Московскаго университета (деканъ).

„ Московскаго врачебнаго управленія (начальникъ Управленія).

„ Московскаго управленія Краснаго Креста.

„ Иверской общины сестеръ милосердія.

„ комитета „Христіанская помощь“, Краснаго Креста.

„ особаго присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ.

„ врачебнаго совѣта при Московской городской управѣ.

„ комиссіи Московскихъ городскихъ санитарныхъ врачей.

„ „ „ „ „ амбулаторныхъ „

„ санитарнаго совѣта при Московской уѣздной земской управѣ.

Далѣе отъ Московскихъ больницъ: Тюремной, Императорской, Екатерининской, Софійской дѣтской, Павловской, Александровской. Купеческаго общества; отъ городскихъ больницъ: Бр. Бахрушиныхъ, Глазной им. Алексѣевыхъ, дѣтской им. Морозова, Преображенской,

Басманной, Мясницкой, Сокольнической, Старо-Екатерининской, отъ больницъ им. Медвѣдниковыхъ и Кн. Щербатова.

Бурю аплодисментовъ вызвала сказанная съ большимъ воодушевленіемъ и чувствомъ рѣчь воспитанника городского Рукавишниковскаго пріюта, Галкина. Приводимъ эту рѣчь полностью:

„Позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ на сегодняшнемъ торжествѣ. Если Вы собрались сюда, чтобы почтить память Ѡ. П. Гааза, то какъ же можемъ молчать мы—одни изъ обездоленныхъ, другомъ которыхъ онъ былъ. Наши воспитатели познакомили насъ съ жизнью многихъ великихъ людей, но ничто насъ такъ не тронуло, какъ чтеніе о добромъ докторѣ Гаазѣ. Мы не могли безъ слезъ слушать, когда намъ читали, какъ онъ заботился о насъ, былъ за насъ постояннымъ ходатаемъ,—и встань сейчасъ изъ гроба Ѡедоръ Петровичъ, какой бы радостью согрѣлось его сердце при видѣ такого пріюта, какъ Рукавишниковскій, гдѣ заботятся о насъ, чтобы сдѣлать изъ насъ честныхъ, порядочныхъ людей. Память о докторѣ Гаазѣ должна быть особенно близка и дорога нашему сердцу. Я говорю отъ имени воспитанниковъ пріюта и по ихъ просьбѣ. Рѣчь я подготовилъ заранѣе и прошу не взыскать за это; говорить публично мы не привыкли, а учимся читать, писать, разному ремеслу; какъ ни слаба моя рѣчь, но велика наша благодарность Ѡ. П. Гаазу, котораго мы такъ горячо любимъ. Слава и вѣчная память Ѡеодору Петровичу Гаазу!“.

Затѣмъ были оглашены привѣтствія, полученныя по телеграфу: отъ попечителя Александровской больницы барона А. Л. Кнопъ, отъ управленія кавказскихъ минеральныхъ водъ въ Кисловодскѣ, отъ вспомогательнаго общества „Санаторіи“ на Эссентукской группѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ, отъ русскаго бальнеологическаго Общества въ Пятигорскѣ, отъ медицинскаго общества въ Желѣзноводскѣ, отъ художника И. С. Остроухова, отъ статсъ-секретаря барона А. А. Будберга изъ С.-Петербурга.

Послѣ произнесенія привѣтствій С. В. Пучковымъ былъ представленъ отчетъ по сооруженію памятника. По предложенію предсѣдателя собраніе выразило С. В. Пучкову благодарность за понесенные имъ труды по этому дѣлу.

Во время засѣданія у памятника игралъ оркестръ воспитанниковъ Рукавишниковскаго пріюта; съ наступленіемъ сумерокъ скверъ, гдѣ поставленъ памятникъ, и дворъ больницы были иллюминированы. Публика непрерывной вереницей до поздняго вечера толпилась вокругъ открытаго памятника. Въ теченіе всего октября мѣсяца масса народу перебивала у памятника. Много приходило и приходитъ по настоящее время воспитанниковъ и воспитанницъ город-

скихъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній со своими наставниками. Очень часто, осмотрѣвъ памятникъ и выслушавъ своихъ учителей, дѣти тутъ же вокругъ памятника устраиваютъ игры... Слышатся звонкіе голоса и веселые крики... веселятся дѣти, а дѣдушка Гаазъ любовно смотритъ на нихъ съ высоты гранитнаго пьедестала своимъ умнымъ, добрымъ и привѣтливымъ взоромъ.

С. Пучковъ.

